

Н.Н. Серегин

Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет

**Ранний комплекс «поминальных» памятников тюрок Центральной Азии:
феномен формирования и начальной эволюции**

Принципиальное значение для изучения археологической культуры тюрок Центральной Азии имеет комплекс вопросов, связанных с выделением ранней группы «поминальных» объектов. Такие сооружения, относящиеся к начальным этапам истории кочевников, наиболее полно демонстрируют сложные процессы формирования традиций кочевников, а их анализ позволяет рассматривать проблему определения компонентов сложения культуры и значения каждого из них в середине I тыс. н.э.

Установление хронологии тюркских «поминальных» комплексов базируется на следующих основаниях: 1) определение времени бытования немногочисленных предметов, обнаруженных в ходе раскопок отдельных сооружений; 2) датировка реалий каменных изделий (изображения пояса, предметов вооружения, украшений), установленных рядом с оградками, на основании аналогий с находками, главным образом, из погребальных комплексов; 3) использование результатов радиоуглеродного анализа органических материалов из оградок; 4) определение датировки редких рисунков на плитах оградок (на основании анализа изобразительных традиций), а также единичных рунических надписей; 5) установление относительной хронологии распространения отдельных типов сооружений на основании реконструкции основных направлений типологического развития конструктивных особенностей «поминальных» комплексов.

На основании анализа всего объема имеющихся материалов раскопок тюркских «поминальных» комплексов Центральной Азии представляется возможным выделить серию признаков, отличающих объекты ранней группы, датирующиеся в рамках второй половины V – первой половины VI вв. н.э.

I. Относительным показателем ранних «поминальных» комплексов тюрок является отсутствие реалистичных каменных изделий. Появление рельефных скульптур, изображавших мужчин-воинов, относится ко времени не ранее эпохи Первого каганата. На памятниках второй половины V – первой половины VI вв. н.э., а видимо, и на более поздних комплексах, такие статуи заменяли стелы. На некоторых подобных объектах фиксируются следы подработки, демонстрирующие попытку придать камню антропоморфные признаки. Очевидно, своего рода «промежуточное» звено между антропоморфными стелами и реалистичными скульптурами представляли некоторые «лицевые» изделия, на которых изображено только лицо человека.

II. Судя по имеющимся материалам, одним из надежных признаков «поминальных» комплексов, относящихся к ранним этапам развития культуры тюрок, являются захоронения лошадей, совершенные в оградках. К настоящему времени известна серия таких объектов, раскопанных на памятниках Булан-Кобы-IV, Кара-Коба-I, Кишнег-Атудар, Мендур-Соккон-I

III. Зафиксированные предметы, а также представленные выше захоронения лошадей позволяют утверждать, что к ранним признакам «поминальных» комплексов тюрок Центральной Азии относятся оградки округлой формы, отличные от «классических» четырехугольных сооружений. Представляется возможным утверждать, что распространение у тюрок округлых оградок, в ряде случаев содержащих захоронение лошади, связано с традициями населения булан-кобинской культуры. Подобные объекты раскопаны на ряде комплексов, в том числе относящихся к претюркскому времени (вторая половина IV – V вв. н.э.).

IV. Параллельно с округлыми оградками на начальных этапах существования культуры тюрок возводились и четырехугольные объекты. Одним из надежных ранних признаков таких комплексов следует считать небольшие каменные ящички, которые чаще

всего сооружались во внутреннем пространстве оградок. В ящичках 19 объектов обнаружены датирующие находки, которые позволяют с высокой степенью уверенности определить время сооружения большинства памятников в рамках второй половины V – VI вв. Распространение небольших каменных ящичков в «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрок представляется возможным связать с существовавшей на Алтае в хуннско-сяньбийско-жужанское время традицией захоронения в каменном ящике, а также специфичными объектами, условно обозначаемыми как «миниатюрные» кенотафы.

V. Другим ранним признаком четырехугольных оградок является сооружение смежных построек, имеющих одну общую стенку. Судя по имеющимся материалам, «активный» период бытования этих сооружений, за редким исключением, ограничивается VI в.

VI. Отличительной чертой оградок раннего этапа в развитии археологической культуры тюрок является нехарактерная в целом для традиций раннесредневековых кочевников ориентировка стел и балбалов, отличная от «классического» восточного направления. Об этом, в частности, свидетельствуют датирующие находки, обнаруженные в ходе раскопок подквадратных и округлых оградок на памятниках Кара-Коба-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш и др., где зафиксировано расположение стел и балбалов к северу или к западу, и реже – к югу от основного комплекса.

VII. Относительным признаком «поминальных» комплексов раннего этапа культуры тюрок можно считать отсутствие таких сложных сооружений, как ров и вал, возводимых за пределами оградки. Очевидно, появление таких конструкций в более позднее время демонстрировало сложные социальные процессы и трансформации, произошедшие в обществе кочевников. На начальном этапе социогенеза раннесредневековых кочевников такие проявления дифференциации отсутствовали.

VIII. Одной из характеристик серии «поминальных» объектов кызыл-ташского этапа является наличие одного стремени. Все наиболее ранние экземпляры данной категории находок, относящиеся ко второй половине V – первой половине VI вв. н.э. и обнаруженные в памятниках тюрок, найдены именно в оградках. Очевидно, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах отражает особенности первоначального использования стремян как приспособления для посадки на лошадь (подножки).

Важно подчеркнуть, что абсолютное большинство «поминальных» комплексов с обозначенными выше признаками исследовано на Алтае. Очевидно, это обстоятельство не только демонстрирует высокую степень изученности оградок данного региона, но также является важным доводом в пользу тезиса о формировании традиций тюрок именно на обозначенной территории. Некоторые из представленных характеристик фрагментарно фиксируются в других частях Центральной Азии, отражая процессы первоначального распространения раннесредневековых тюрок в середине – второй половине VI в. н.э. Наиболее ярким примером подобной ситуации является появление на сопредельных территориях немногочисленных оградок с захоронением лошади.

Очевидно, что в ходе дальнейших раскопок количество «поминальных» комплексов, относящихся к ранним этапам в развитии культуры тюрок, будет увеличено, что позволит более подробно рассматривать общие и особенные характеристики объектов этого времени. Наибольшие перспективы связаны с целенаправленными археологическими исследованиями на территории Монгольского Алтая. Не меньшее значение имеет проведение полевых работ в Синьцзяне, где, согласно письменным источникам, происходил начальный этап сложения группы населения, впоследствии составившей один из компонентов в процессе формирования общества тюрок.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках выполнения гранта Президента РФ, МК-2381.2020.6.